

Кто ты, Юджун?

Тая

Тая

Кто ты, Юджун?

«Автор»

2026

Тая

Кто ты, Юджун? / Тая — «Автор», 2026

История о жизни студентов спортивного университета в Пекине — о дружбе, первых робких чувствах и поиске своего места в новом мире. В центре сюжета — тройка друзей: чуткая Арин, энергичный Минхён и эмоциональная Мина. Их будни — тренировки, лекции, дедлайны и разговоры в любимой кофейне. Но их университетская жизнь переворачивается с ног на голову, когда появляется новенький студент Хаджун - холодный и загадочный красавчик, который держится отстранённо, будто выстроил вокруг себя невидимую стену. Окончательно всё запутывает загадочное анонимное любовное письмо, зачитанное в эфире университетского радио. Его автор — некий Юджун — признаётся в чувствах, заставляя всех гадать, кто скрывается за этим именем и кому адресованы эти слова. Письмо заставляет героев взглянуть друг на друга по-новому и задаёт вопрос: а что, если тот, кто кажется самым холодным и отстранённым, на самом деле просто боится сделать первый шаг?

Содержание

Глава 1. Новенький	5
Глава 2. Весенний договор	10
Глава 3. Храм Неба	17
Глава 4. Первое письмо Юджуна	22
Глава 5. Вечеринка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тая

Кто ты, Юджун?

Глава 1. Новенький

— «Глаза разуй, она всегда в правый дальний угол бьёт — пора уже запомнить!» — командный голос Джиу раскатился по спортзалу, будто эхо, не желающее стихать.

Она, как и остальные девушки на этой половине площадки, замерла в привычной стойке: ноги согнуты в коленях, корпус наклонён вперёд — вся в ожидании, собранная, словно от этого мяча зависела её судьба. На другой половине к подаче готовилась Мина: хлёсткими, ритмичными движениями она отбивала волейбольный мяч об пол, будто вела с ним какой-то свой, молчаливый диалог.

Прозвучал свисток. Мина замахнулась — и мяч рванулся в стремительный полёт. Он коснулся верхнего края сетки, на мгновение будто завис, балансируя между двумя мирами, а потом, словно нехотя, перевалился на другую половину площадки. Соперницы метнулись за ним, падая на пол в отчаянной попытке дотянуться, но миг был упущен. Тренер у сетки твёрдо указал рукой: мяч засчитан.

— Всё, на сегодня тренировка окончена — победила команда Миной — констатировал тренер.

С усилием ударив мячом об пол — будто выплеснув в этом движении всё скопившееся раздражение, — Джиу направилась к скамейке, взяла полотенце и принялась вытирать лицо и шею, словно пытаясь стереть с себя горечь поражения. Кинув Арин бутылку воды, Мина негромко заметила:

— Сколько лет уже прошло, а Джиу так и не научилась проигрывать.

— Это же просто тренировка. Тем более вчера выиграли они, — согласилась Арин с подругой, жадно делая несколько глотков воды, будто хотела вместе с прохладой прогнать усталость.

— Какие у тебя планы после тренировки? — уточнила Мина.

— Минхён звал меня в столовую пообедать. Хочешь с нами?

— Да, я ужасно проголодалась.

Девушки покидали тренировочный зал кто поодиночке, кто парами, расходясь по душевым и раздевалкам. Арин и Мина встретились у зеркала после приятного прохладного душа: сушили и расчёсывали друг другу волосы, и в этом обыденном ритуале было что-то почти сокровенное для них двоих.

— Кстати, что с тем парнем с баскетбольного направления? — спросила Арин, медленно проводя по длинным каштановым волосам Миной массажной расчёской, будто смакуя каждое движение.

— Он уже в прошлом, — с лёгкостью, которая, впрочем, не смогла скрыть лёгкую тень в глазах, констатировала Мина.

— Вы же познакомились всего неделю назад, — Арин подняла брови, глядя на подругу с немим вопросом.

— Ты же знаешь, со мной год за три идёт, — брюнетка чуть подтолкнула локтем Арин, пытаясь превратить всё в шутку. — Лучше попросила бы Минхёна познакомить меня с кем-то из его команды пловцов.

— Я сама никак не дождусь, когда он познакомит меня с кем-то.

— Держу пари, что он специально тебя ни с кем не знакомит, чтобы на соревнованиях ты болела только за него. Ты же ни один ещё не пропустила.

— Он же мой лучший друг, как я могу их пропустить?

— Ну смотри, подруга, если так и не соберёшься с ним встречаться, я могу тебя подвинуть.

— С Минхёном? Ужас какой. Мы же как брат с сестрой, — Арин поморщилась, а потом чуть улыбнулась. — Ну можешь, конечно, попробовать, но уверена, что вы поубиваете друг друга уже через неделю. Оба упрямые, как...

— А вот сейчас давай поаккуратнее, — нахмурилась Мина. — Пойдём, нас Минхён уже заждался.

Девушки вышли из тренировочной и отправились в столовую, что пряталась в большом здании главного корпуса — в самом сердце студенческого городка. На улице витал еле уловимый запах весны: прохладный ветер нежно обдувал кожу, на деревьях робко начинала появляться листва, а сквозь землю пробивались ростки цветов, посаженных на клумбу местными волонтерами, — словно сама природа стремилась расцвести, торопясь наверстать упущенное время. Тропинки, соединявшие все части городка, переплетались между собой, как тонкая паутина, сотканная из тысяч историй и встреч.

Зайдя в столовую, девушки сразу же нашли глазами Минхёна: он махал им, жестами приглашая к себе за стол.

— Пока вас ждал, мог до Африки сплавать и обратно, причём брассом, — поддразнил он, но в его голосе слышалась не досада, а скорее радость от того, что они наконец пришли.

— Да ладно тебе, не возмущайся, — Мина рухнула за стол, бросив спортивную сумку на стул рядом и двумя руками пригладив выбившиеся из высокого хвоста каштановые волосы. — Лучше принёс бы чего-нибудь пожевать, я сейчас слона бы съела.

— Почему вас сегодня так рано отпустили? У нас же тренировки в одно время заканчиваются, — Арин села за стол рядом с Минхёном, привычно закручивая гладкие светлые волосы в низкий пучок.

— Изза новенького. Сегодня у него была первая тренировка с нами, поэтому тренер решил пожалеть его на первый раз — отпустил нас пораньше, — сообщил высокий крепкий парень.

— А вот с этого момента поподробнее, что за новенький? — Мина с явным интересом наклонилась вперёд, опираясь локтями о стол, будто боялась пропустить хоть слово.

Арин легонько ткнула её пальцем в лоб, мягко возвращая на место.

— О чём ты думаешь? Скоро уже экзамены, лучше бы к ним такой интерес проявила, — пробурчала Арин, но в её словах не было настоящей строгости.

— Зовут, вроде, Хаджун. Перевёлся сюда из университета в Шанхае. Скорость у него, конечно, слабовата, но зато дышалка многим из наших парней фору даст.

— Даже тебе? — язвительно подколола Арин.

— Ты же знаешь: лучше меня быть просто невозможно, — улыбнулся Минхён, поправляя растрепавшиеся волосы, и в этой улыбке было столько уверенности, что она невольно заражала окружающих.

— А ты, как всегда, очень скромна, — слегка прищурившись и чуть поморщив нос, съязвила Мина.

— А вот, кстати, и он, — Минхён кивнул в сторону парня, который как раз покидал зону раздачи с подносом в руках.

Вдоль школьных обеденных столов шёл молодой человек с тёмными, практически чёрными волосами. Чёлка с пробором мягко обрамляла лицо с острыми чертами, подчёркивая не менее тёмные густые брови и глубокие карие глаза. Его губы были чуть напряжены, а взгляд устремлён точно вперёд, словно он прокладывал себе путь сквозь невидимую толпу, не замечая никого вокруг.

Когда Хаджун проходил с подносом мимо стола, за которым сидели друзья, Мина решительно схватила его за рукав, стремясь хоть на миг вырвать из этого отстранённого мира:

— Слушай, у нас тут как раз пустует одно место за столом. Не хочешь присоединиться?

Парень лишь молча повернулся к девушке, опустив холодный взгляд на руку, чьи пальцы всё так же крепко держали хлопковую ткань чёрной рубашки.

— Кстати, я — Мина, — она наконец отпустила рубашку и протянула руку для рукопожатия, пытаясь сохранить хоть крупицу непринуждённости.

— Хаджун, — коротко отрезал парень и, не задерживаясь, отправился в конец столовой, где выбрал пустой стол. Рука Миной так и осталась висеть в воздухе, словно в ней ещё жила надежда на ответное движение.

— Кто хватается незнакомого человека за рукав? — недовольство в голосе Арин смешивалось с беспокойством. — Тебе вообще знакомы такие понятия, как скромность и личные границы?

— Я просто пыталась быть дружелюбной, — Мина скрестила руки на груди, нахмутив тонкие брови, которые вздымались над большими карими глазами, полными упрямой обиды.

— На его месте от такого дружелюбия я держался бы подальше, — шутливо подметил Минхён, легонько подтолкнув Арин, и в этом жесте было столько тепла, что даже неловкость момента чуть рассеялась.

— Я слышал, что вы ищете себе четвёртого в вашу компанию, — к столу подошёл невысокий парень с длинной прямой чёлкой и большими очками в широкой оправе. В руках он держал поднос с несколькими чашками: рисом, соевыми бобами и тофу.

— Девочки, знакомьтесь, это Донук, он с направления настольного тенниса, живёт со мной в общежитии на одном этаже, — Минхён показал рукой на незваного гостя, но в его тоне не было ни капли раздражения — скорее, предвкушение новой истории.

Мина неохотно отложила свою сумку на пол, пока немного несуразный парень, не скрывая воодушевления, улыбался возле стола.

— Конечно, Донук, присаживайся. Меня зовут Арин, а это Мина — моя лучшая подруга, — тепло произнесла Арин, словно одним этим жестом хотела сгладить все острые углы.

С большим воодушевлением парень сел за стол, но к еде притрагиваться не решался — лёгкое смущение сковывало движения, делая его ещё более трогательным.

— Даже странно, как мы раньше не встречались, — поинтересовалась Арин, поглядывая на Минхёна, будто искала в его взгляде ответы на свои вопросы, которые возникали у нее в голове один за одним.

— Да я особо никуда и не хожу, — пробурчал молодой человек в рубашке с коротким рукавом, застёгнутой до самой последней пуговицы на шее, и снова уткнулся в миску с соевыми бобами, осторожно роясь в ней палочками.

— От такого зрелища у меня даже аппетит пропал, — Мина едва заметно кивнула в сторону тофу, который не переносила ещё с детства, — и в этом маленьком жесте уместилась целая история, понятная только Арин и Минхёну.

— Ладно-ладно, не смотри на него так, будто он преступление совершил, — Минхён хмыкнул и подвинул к Мине тарелку с хрустящей курочкой в остром соусе. — Вот, съешь лучше это. Сразу настроение поднимется.

— Только если ты пообещаешь не рассказывать никому, что я ем острое после всех своих жалоб на желудок, — буркнула Мина, но всё же подцепила кусочек палочками и отправила в рот. Глаза тут же заслезились, и она потянулась к стакану с ледяной газировкой. — Ну вот, теперь я горю изнутри...

Арин тихо рассмеялась, прикрыв рот ладонью:

— Ты каждый раз так делаешь. И каждый раз клянёшься, что больше ни за что.

Донук, будто только и ждал повода заговорить, осторожно приподнял очки и наклонился чуть вперёд:

— Знаете, в древности в Китае считали, что острые блюда разгоняют застойную энергию и помогают яснее видеть суть вещей. Это из трактатов по традиционной медицине... ну, если вдруг интересно.

Минхён приподнял бровь:

— Откуда ты столько знаешь?

— Да я просто... много читаю, — смущённо пробормотал Донук, снова опуская взгляд в тарелку. — Особенно про историю и философию Востока. У меня дедушка из Сеула, он с детства рассказывал всякие легенды.

Мина, уже успевшая немного остыть после острой курицы, вдруг оживилась:

— Подожди, ты про Китай говоришь? У нас же пара по истории Китая через 20 минут!

Арин виновато поморщилась:

— Точно, вылетело из головы. После тренировки и этого обеда... кажется, у меня в голове только «спать» и «ещё поесть». Тем более я согласилась на этот курс только из-за тебя, потому что ты его выбрала.

— А я из-за тебя, — обратился к Арин Минхён, положив руку ей на плечо.

— Ну и отлично, — Мина решительно отодвинула тарелку и выпрямилась. — Мы идём. Если бы я одна туда пошла, то точно уснула на первой же минуте лекции. А с вами хоть кто-то будет меня щипать, чтобы не отключилась.

Минхён театрально вздохнул, но в его глазах плясали весёлые искорки:

— Ладно, но после пары мы зайдём в ту маленькую кофейню у восточного крыла и возьмём по горячему шоколаду. Я сегодня так рано встал на тренировку, что без сахара мой мозг отказывается функционировать.

— Идёт, — кивнула Арин, собирая свои вещи. — Только давай без твоих «двойной эспresso и пять ложек сахара», а то потом до ночи будешь прыгать по комнате.

— Кто бы говорил, — фыркнул Минхён. — Ты после чашки зелёного чая становишься бодрее всей нашей сборной.

Донук нерешительно поднял руку, словно на уроке:

— А... можно мне с вами пойти? Я тоже записан на этот курс. Могу, если что, объяснить, если будет непонятно... ну, или просто... могу пойти рядом.

Мина на секунду замерла, и на её лице пробежало смятение:

— Ладно, пойдём, если ты знаешь про эти древние трактаты, может, расскажешь что-нибудь по дороге, а то к этой лекции мы вообще не готовились.

Донук покраснел так, что даже кончики ушей стали пунцовыми, но в глазах загорелся неподдельный восторг:

— Правда? Ну... тогда я могу рассказать про императора Цинь Шихуанди. Он объединил Китай, начал строить Великую стену и... ещё у него была терракотовая армия. Это так круто — тысячи статуй воинов, и все разные!

— Ого, — Арин удивлённо посмотрела на парня. — Ты прям ходячая энциклопедия.

— Не то чтобы... — Донук снова уткнулся в свои палочки, но теперь в его движениях было больше уверенности. — Просто когда тебе что-то нравится, хочется узнавать всё до последней детали.

— Вот это нам и нужно, — Мина хлопнула ладонью по столу, отчего пустая чашка слегка подпрыгнула. — Погнали. Пара начнётся через пятнадцать минут, а аудитория на другом конце кампуса. Если будем болтать, надо идти быстрее.

Они поднялись из-за стола, подхватив сумки и куртки. Мина на ходу накинула на плечи лёгкий кардиган, Арин привычно поправила ремешок сумки, Минхён махнул рукой в сторону выхода, приглашая всех следовать за ним. Донук шёл чуть позади, всё ещё немного стесняясь,

но уже не пряча взгляд — он то и дело поглядывал на девушек, будто проверяя, действительно ли его рады видеть.

Весенний ветер тут же набросился на них, едва они вышли из тёплого здания столовой. Мина зябко передёрнула плечами и тут же схватила Арин под руку, прижимаясь к подруге:

— Ну и ветер! Как будто зима не хочет уходить.

Сняв с себя университетский бомбер, Минхён накинул его на плечи подруг, прижимавшихся друг к другу от холода.

— Зато смотри, — Арин кивнула на клумбу, мимо которой они проходили. — Тюльпаны уже раскрылись. Словно маленькие яркие фонарики.

— Красиво, — тихо произнёс Донук, глядя на цветы. — В Китае тюльпаны не росли, но там очень любили пионы. Их считали символом богатства и чести.

Они шли по извилистым тропинкам студенческого городка, и с каждым шагом шум столовой и запах еды оставались всё дальше, сменяясь свежестью весеннего воздуха и лёгким предвкушением чего-то нового. Мина болтала без умолку, Арин время от времени вставляла свои замечания, Минхён подшучивал над всеми по очереди, а Донук, постепенно осмелев, добавлял к их разговору маленькие исторические факты, которые звучали не как заученные строки из учебника, а как кусочки увлекательных историй.

Когда впереди показалась дверь нужной аудитории, Мина остановилась, подняла голову к небу, где сквозь лёгкие облака пробивалось солнце, и глубоко вздохнула:

— Ну что, готовы к погружению в древний Китай?

— Готов, — твёрдо сказал Донук.

— Готова, — улыбнулась Арин.

— Всегда готов, — закатил глаза Минхён, но тут же протянул руку и распахнул перед всеми дверь. — После вас, господа историки.

Глава 2. Весенний договор

Весна в Пекине дышала особой, пряной свежестью — такой, что даже пыльный воздух лекционного зала, казалось, был напоён ароматом цветущей сливы. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь высокие окна спортивного университета, ложились на парты золотистыми бликами, подсвечивая пыль, медленно кружившуюся в воздухе. В аудитории пахло старыми книгами, деревянными столами и едва уловимым запахом жасмина — Мина, как всегда, распылила на себя свой любимый парфюм, будто он мог придать ей уверенности.

Арин сидела между Минхёном и Миной, привычно вжавшись в жёсткое сиденье, и старательно выводила в тетради ровные иероглифы, стараясь не отвлекаться на болтовню Минхёна, который то и дело шептал ей на ухо какие-то нелепые шутки, едва сдерживая смех. Рядом Мина недовольно вздыхала, постукивая ручкой по столу, и бросала косые взгляды в сторону задних рядов.

— Почему она к нему липнет? — тихо проворчала Мина, направив глаза на Джиу, которая, наклонившись к Хаджуну, что-то оживлённо ему говорила. Хаджун сидел неподвижно, прямой, словно натянутая струна, и отвечал короткими, сухими фразами, не поднимая глаз от тетради. Его холодное спокойствие будто создавало вокруг него невидимую стену, но Джиу это не останавливало — она смеялась, поправляла волосы, пыталась поймать его взгляд, словно хотела пробить эту броню своей напористостью.

Минхён, заметив раздражение Миной, тихо фыркнул:

— Ну, Джиу как ураган — сметает всё на своём пути. Но Хаджун... он будто из камня выточен. Непробиваемый.

Арин лишь слегка нахмурилась, не отрывая взгляда от конспекта. Ей было жаль Мину — та так старалась казаться равнодушной, но в её глазах читалась обида. И в то же время Арин понимала: Мина не из тех, кто будет тихо страдать. Она найдёт способ дать отпор.

За спиной у Джиу и Хаджуна, почти сливаясь со стеной, сидел Донук. Он склонился над тетрадью, его прямая чёлка падала на большие очки, скрывая выражение лица. Он делал вид, что полностью поглощён записями, но его взгляд то и дело скользил по профилю Джиу — по её резким, уверенным движениям, по тому, как она наклонялась вперёд, пытаясь привлечь внимание Хаджуна. Донук отвлекался от записей и раздражался каждый раз, когда она смеялась — громко, вызывающе, так, что даже преподаватель на мгновение замолкал.

Учитель — пожилой мужчина с седыми висками и усталыми, но внимательными глазами, медленно ходил вдоль рядов, рассказывая о древней истории Пекина, о том, как город менялся веками, становясь то столицей империй, то ареной бурь и перемен. Его голос звучал размеренно, убаюкивающе, но в какой-то момент он резко остановился, заметив, что Джиу и Мина, забыв про лекцию, снова перешёптывались со своими соседями.

— Достаточно, — голос преподавателя прозвучал неожиданно громко, заставив всех вздрогнуть. — Джиу, Мина, вы, кажется, нашли более интересные темы для обсуждения, чем история Пекина. Что ж, раз уж вы так увлечены общением, будете делать совместный доклад.

В аудитории повисла тишина, нарушаемая лишь тихим вздохом Миной и коротким, злым взглядом Джиу.

— Но... — начала было Мина, но преподаватель лишь поднял бровь, и она тут же замолчала.

Остальные доклады он распределил быстро, почти не глядя, пока не добрался до конца списка.

— Арин, — произнёс он, и в его голосе прозвучало уважение, — ты одна из лучших студентов по успеваемости. И раз Хаджун у нас новенький, думаю, будет правильно, если вы сделаете доклад вместе.

Арин почувствовала, как её сердце на мгновение замерло, а потом забилося быстрее. Она подняла глаза и увидела, что Хаджун едва заметно напрягся, но не возразил.

— Минхён, — продолжил преподаватель, — а ты будешь работать с Донуком. Надеюсь, твоя энергия поможет ему раскрыться.

Минхён бросил на Донука быстрый взгляд, в котором мелькнуло удивление, смешанное с лёгкой неловкостью, но тут же расплылся в своей привычной улыбке:

— Без проблем! Мы с Донуком устроим такой доклад, что весь университет заговорит!

Донук лишь слегка покраснел и опустил голову, делая вид, что очень занят записями.

— Вам предстоит посетить одну из исторических достопримечательностей Пекина — выберите любую, изучите её историю, опишите свои впечатления и приложите фотографии. Это не просто задание — это возможность почувствовать величественный дух нашего исторического города. На сегодня всё, можете быть свободны.

Выйдя в университетский коридор, Мина тут же схватила Арин за руку, уводя её в сторону, подальше от любопытных ушей.

— Слушай, — прошептала она, нервно теребя край своей футболки, — давай поменяемся? Я с Хаджуном, а ты с Джиу... ну, или с кем-нибудь другим. Я... я просто хочу быть с ним в паре. Хоть немного времени провести.

Арин мягко, но твёрдо покачала головой:

— Прости, Мина. Я не могу. Ты знаешь, я не умею противостоять Джиу. Она такая напористая, такая... резкая. Ты сможешь дать ей отпор, а я только растеряюсь. К тому же... — она чуть понизила голос, — тебе нужно сосредоточиться на учёбе. Ты столько сил вкладываешь в спорт, в свои цели... не теряй фокус из-за какого-то парня.

Мина на мгновение закрыла глаза, словно сдерживая раздражение, но потом вздохнула и кивнула:

— Ты права. Прости, что давлю. Просто... он такой... загадочный.

Мина перевела взгляд на молодого человека, выходящего из лекционной аудитории, поправляя чёлку одной рукой, а второй рукой придерживая лямку рюкзака, висевшего на одном плече.

Арин улыбнулась и легонько сжала её руку:

— Я понимаю. Но ты заслуживаешь того, кто будет смотреть на тебя так, будто ты — весь мир. А не того, кто даже не замечает, что ты существуешь. Я пойду поговорю с ним по поводу доклада, а после этого пойдем в кофейню, как и договаривались, никуда не уходи.

Хаджун уже собирался покинуть корпус, когда Арин догнала его в конце коридора, преградив ему путь. Её голос прозвучал тихо, но уверенно:

— Привет ещё раз, меня зовут Арин, мы виделись сегодня в столовой, когда моя подруга Мина схватила тебя. Я хотела извиниться за неё, ты не подумай, она очень хорошая и добрая...

— Ага, проехали, — отрезал парень, скрещивая руки у себя на груди, пронзая Арин холодным взглядом тёмно-карих глаз.

— Я подумала... так как мы должны сделать доклад вместе, может, завтра сходим к Храму Неба? Говорят, весной там особенно красиво. Я помогу тебе сориентироваться, расскажу, что важно знать... если ты, конечно, не против.

Хаджун остановился, будто взвешивая её слова. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах мелькнуло что-то — возможно, лёгкая усталость или даже благодарность за эту простую заботу.

— Мы можем пойти отдельно, — ответил он наконец, — потом просто объединим материалы. Так будет проще.

Арин покачала головой, незаметно сжав обе свои руки внизу в кулаки, как делала всегда, когда была полна решимости:

— Нет. Так не пойдёт. Ты новенький, тебе и так непросто. Пусть это будет не просто доклад, а... знакомство с городом. Я не буду мешать, обещаю. Просто покажу тебе Пекин таким, каким его вижу я.

Он помолчал ещё мгновение, и вдруг, почти незаметно, его плечи чуть расслабились.

— Хорошо, — произнёс он тихо. — Завтра. У входа в Храм Неба. В десять.

Арин улыбнулась — не широко, но искренне, так, что её глаза засветились мягким светом.

— Договорились. Я буду там.

Когда она отошла, Минхён тут же подскочил к ней, хитро прищурившись:

— Ну что, покоряем ледяное сердце?

Арин легонько толкнула его в плечо:

— Перестань. Это просто доклад. И помощь новому студенту.

Мина стояла у колонны, постукивая носком кроссовка по полу, и смотрела то на Арин, то на выход, будто ждала подвоха.

— Ну всё, — выдохнула она, когда Арин наконец вернулась. — Я уже придумала три сценария, как мы сейчас ворвёмся в деканат и потребуем перераспределения. Но ты не улыбаешься... значит, не сработало?

— Сработало. Мы идём завтра к Храму Неба. В десять.

Мина на секунду замерла, а потом всплеснула руками:

— Ты серьёзно? Ты его уговорила? Да он же как статуя — ни слова лишнего, ни взгляда в сторону!

— Он просто... осторожный, — мягко сказала Арин. — Ему тут всё чужое. И я подумала — пусть хоть доклад станет чем-то хорошим.

Минхён, который всё это время стоял, прислонившись к стене и скрестив руки, хмыкнул:

— Осторожный — это когда чашку кофе берёт двумя руками, чтобы не расплескать. А этот парень будто в броне ходит. Но знаешь, — он вдруг подмигнул Арин, — если кто и сможет эту броню поцарапать, так это ты. Ты же с детства всех спасала: то котёнка с дерева снимала, то меня от родительского «ты опять всё разбросал» прикрывала.

Арин закатила глаза, но щёки у неё порозовели.

— Хватит. Я просто не хочу, чтобы он чувствовал себя лишним.

— Ладно-ладно, — Минхён поднял руки в примирительном жесте. — Тогда давай отметим это дело. Горячий шоколад, как и договаривались. И пусть сегодня без сахара — мне ещё вечером реферат править.

— Без сахара? — театрально ужаснулась Мина. — Да ты без сахара даже «доброе утро» сказать не можешь!

Они рассмеялись, и напряжение, висевшее в воздухе после лекции, наконец рассеялось.

Кофейня встретила их уютным полумраком и запахом свежемолотого кофе. За стойкой бариста, парень в очках и с татуировкой дракона на запястье, приветливо кивнул:

— Привет, ребята. Опять все вместе?

— Как всегда, — ответил Минхён, скидывая рюкзак на свободный стул. — Только сегодня без моих обычных «двойной эспresso и пять ложек сахара». Сегодня я на режиме «тихий и продуктивный».

Бариста усмехнулся:

— Тогда тебе горячий шоколад. Без сахара. Но с щепоткой корицы — чтобы жизнь не казалась слишком пресной.

— Идеально, — кивнула Арин.

Пока бариста колдовал над напитками, они расселись за круглым столиком у окна. Мина тут же схватила меню и принялась изучать его с видом стратега, планирующего наступление.

— Так, — пробормотала она, водя пальцем по строчкам. — Латте с ванилью... или, может, чай с жасмином? Нет, слишком спокойно. Мне сегодня нужно что-то, что даст энергию, но не заставит меня бегать по коридорам, как белку в колесе.

— Тебе просто нужно перестать злиться на Джиу, — тихо сказала Арин, наклоняясь к подруге. — Она всегда такая — громкая, яркая, будто хочет, чтобы все на неё смотрели.

Мина фыркнула, но в глазах мелькнуло что-то похожее на грусть.

— Я не злюсь. Просто... неприятно, когда кто-то так явно пытается забрать то, что тебе тоже нравится. Даже если он сам этого не хочет. Хаджун ведь не тянется к ней. Он вообще ни к кому не тянется.

Минхён, который до этого молча слушал, вдруг наклонился вперёд, уперевшись локтями в стол.

— Знаешь, — сказал он негромко, — иногда люди закрываются не потому, что им никто не нужен. А потому, что боятся, что их не поймут. Или что будут смеяться. Или что ожидания окажутся слишком тяжёлыми. Может, Хаджун просто не знает, как быть среди нас.

Мина удивлённо посмотрела на него — будто впервые услышала, что у Минхёна бывают не только шутки, но и мысли.

— Ты это откуда знаешь? — спросила она.

Он пожал плечами, слегка смутившись:

— Да так... когда ты популярен, все думают, что тебе легко. Что тебе нравится, когда на тебя смотрят, когда с тобой хотят поговорить. А иногда просто хочется тишины. И чтобы кто-то сказал: «Я тебя вижу. И мне не нужно, чтобы ты был кем-то другим».

Арин молча протянула руку и легонько сжала его пальцы — так, как делала всегда, когда знала, что слова тут лишние.

В этот момент к столу подошёл бариста с подносом. На нём стояли три чашки: горячий шоколад для Минхёна, латте с ванилью для Мины, зелёный чай для Арин.

— Я заказал на всех, если вы не против — сказал заботливый парень за эти круглым столом.

Бариста поставил поднос на стол, и над чашками тут же поднялся лёгкий пар, смешиваясь с запахом корицы и ванили.

— Спасибо, — улыбнулась Арин, и её взгляд на секунду задержался на Минхёне — она всё ещё чувствовала, как он только что приоткрыл что-то личное, и ей хотелось, чтобы это не повисло в воздухе неловкостью.

Минхён, будто спохватившись, тут же натянул привычную весёлую маску, потянулся к чашке и нарочито громко вздохнул:

— О, коричка... жизнь всё-таки не такая уж пресная.

Мина хмыкнула, но в её глазах мелькнуло что-то тёплое — она оценила, что Минхён не стал раздувать из своей маленькой откровенности драму.

— Ладно, — сказала она, подхватывая латте и делая осторожный глоток. — Значит, Хаджун прячется за бронёй, потому что боится, что его не поймут. Звучит как описание героя из дорамы. Но знаешь, что меня бесит в таких героях? Они вечно ждут, пока кто-то другой сделает первый шаг. А я не хочу быть той самой девушкой, которая всё время спасает.

Арин мягко покачала головой:

— Ты и не должна. Просто дай ему время. Может, он сам когда-нибудь снимет эту броню. Или хотя бы чуть-чуть её приоткроет.

— Ага, — фыркнул Минхён. — Как консервную банку — долго, мучительно и с риском оторвать палец.

Мина прыснула, прикрывая рот ладонью:

— Ну вот, опять ты всё сводишь к шуткам.

— А что? — Минхён развёл руками, хитро прищурившись. — Юмор — это моя броня. И она, между прочим, отлично работает.

Арин покачала головой, но не смогла сдержать улыбку:

— Твоя броня скорее похожа на яркий плащ — все видят, что ты в нём, но никто не понимает, зачем он тебе.

— Зато я в центре внимания, — подмигнул Минхён и тут же замер, потому что к их столику вдруг подошли две девушки из параллельной группы — обе в модных худи, с одинаковыми причёсками и одинаково заинтересованными взглядами.

— Минхён? — спросила одна из них, чуть наклонив голову. — Это ты? Мы тебя на прошлой неделе на вечеринке видели... Ты так круто рассказывал про тот старый фильм, мы всё пропустили, а ты так здорово пересказывал...

Минхён на мгновение застыл, будто не знал, куда деть руки, и машинально потянулся к Арин — не то чтобы обнять, просто как будто искал опору, и его пальцы на долю секунды коснулись её запястья. Арин тут же поняла, что происходит: он растерялся, и эта растерянность была такой непривычной на фоне его обычной уверенности, что у неё сжалось сердце.

— Да, это я, — выдавил он, слегка откашлявшись. — Ну, то есть... я тот, кто много болтает.

Девушки рассмеялись, будто это была самая очаровательная вещь на свете.

— Слушай, а ты не хочешь с нами на выставку сходить? В выходные. Там про современное искусство, но обещают интерактив и кофе.

Минхён открыл рот, чтобы что-то ответить, но слова будто застряли у него в горле. Он бросил короткий, почти умоляющий взгляд на Арин.

И тут одна из девушек заметила, как Арин держит его за руку — вернее, как их пальцы почти соприкасаются, — и её лицо тут же озарилось понимающей улыбкой:

— Ой, ты, наверное, занят... Это твоя девушка?

В кафе будто на секунду выключили звук. Мина замерла с чашкой у губ, Арин почувствовала, как по спине пробежал холодок, а Минхён... Минхён вдруг стал выглядеть так, будто его поймали на чём-то, чего он сам до конца не понимал.

Он открыл рот, закрыл, снова открыл — и в этот момент Арин тихо, но твёрдо убрала свою руку. Не резко, не грубо, просто мягко отступила, будто давая ему пространство.

— Мы не пара, — спокойно сказала она, глядя прямо на девушек. — Мы друзья. С детства. Жили в соседних домах, вместе в песочнице копали ямы, потом он от меня собак отгонял, а я его от маминых нотаций спасала.

Одна из девушек слегка покраснела, будто ей стало неловко:

— Прости, я не хотела...

— Всё в порядке, — быстро сказал Минхён, наконец обретя голос. — Просто... мы давно знакомы. И... да, мы просто друзья.

Арин чуть улыбнулась, стараясь сгладить неловкость:

— Он ещё и мой личный переводчик с «я всё сделаю завтра» на «я сделаю это прямо сейчас». Без него я бы ни один дедлайн не сдала.

Девушки снова рассмеялись, уже не так напряжённо, и та, что заговорила первой, махнула рукой:

— Ладно, тогда не будем мешать. Но если вдруг захочешь про выставку поболтать — ты знаешь, где нас найти.

Когда они отошли, Минхён рухнул на стул, будто из него выкачали весь воздух, и провёл ладонью по лицу:

— Фух... Я думал, у меня сердце выскочит.

Мина, не выдержав, хихикнула:

— Знаешь, ты бы видел своё лицо. Будто тебя в ловушку загнали.

— Очень смешно, — буркнул Минхён, но уголки его губ всё равно дрогнули. — Просто... когда на тебя смотрят и ждут, что ты скажешь что-то крутое, а у тебя в голове только «я хочу домой и бутерброд», это немного пугает.

Арин тихо рассмеялась:

— Значит, твоя броня сегодня дала трещину.

— Не смейся, — проворчал он, но уже без злости. — Лучше скажи, что мне теперь делать? Я не хочу их обидеть, но и... не хочу туда идти.

— Скажи честно, — пожала плечами Арин. — Ты не обязан нравиться всем. И не обязан быть тем, кем тебя хотят видеть.

Минхён посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на благодарность:

— Иногда ты говоришь такие вещи, что я забываю, что ты младше меня.

— Это потому что я наблюдала за тобой все эти годы, — подмигнула Арин. — И знаю, когда ты притворяешься, что тебе всё равно.

Мина вдруг хлопнула ладонью по столу, заставив чашки слегка подпрыгнуть:

— Так, хватит душевных разговоров! Мы пришли за горячим шоколадом, а не за разборкой чужих чувств. Давайте лучше про доклады подумаем. Арин, ты завтра с Хаджуном идёшь — расскажи, что там вообще делать надо?

Арин на мгновение задумалась, будто только сейчас вспомнила, зачем они вообще сюда пришли:

— Ну... надо будет походить по территории, посмотреть павильоны, почитать таблички. Я скачала путеводитель, там есть несколько легенд про Храм Неба — думаю, одну из них можно взять за основу. Хаджуну, наверное, будет интересно про ритуалы, про то, как императоры молились о хорошем урожае...

— Главное, чтобы он не стоял весь день с каменным лицом, — буркнула Мина, но тут же добавила, будто оправдываясь: — Просто я переживаю. Вдруг он решит, что ты слишком стараешься, и разозлится?

— Тогда я просто скажу, что мне самой нравится этот храм, — спокойно ответила Арин. — Что я люблю там гулять, смотреть, как солнце садится за крыши, и слушать, как ветер шумит в деревьях. Если он не захочет слушать — я не буду навязываться. Но попробовать стоит.

Минхён кивнул, будто что-то для себя решив:

— Знаешь, это самое крутое в тебе. Ты не пытаешься кого-то переделать. Ты просто... показываешь свой мир таким, какой он есть. И даёшь человеку право решить, хочет ли он в нём остаться.

Арин слегка покраснела и махнула на него рукой:

— Перестань, а то я сейчас расплачусь прямо в чай.

— Вот этого точно не надо, — серьёзно сказала Мина. — Чай и так слишком спокойный для сегодняшнего дня.

Они снова рассмеялись, и напряжение окончательно ушло, растворяясь в тёплом свете кафе и запахе ванили.

— Кстати, — вдруг вспомнила Мина, косясь на Минхёна, — а ты с Донуком что делать будешь? Вы же полные противоположности. Ты — ураган, он — тихий омут.

Минхён театрально задумался, приложив палец к подбородку:

— Думаю, я буду говорить. А он будет кивать. И в какой-то момент я так его заговорю, что он сам начнёт спорить. Это мой фирменный метод.

— Или он просто уйдёт и сделает всё сам, — хихикнула Мина.

— Эй, не надо демонизировать мою харизму! — возмутился Минхён, но тут же расплылся в улыбке. — Ладно, признаю. Может, я немного переборщил с энтузиазмом. Но я правда хочу, чтобы ему было комфортно. Он хороший парень, просто... стесняется.

Арин кивнула, будто подтверждая, что это важное признание:

— Это здорово. Иногда достаточно просто не давить.

— Ага, — пробормотал Минхён. — Не давить, не шутить слишком громко и не пытаться всех развеселить. Сложновато для меня, но я постараюсь.

Мина закатила глаза:

— Да ладно тебе. Ты не такой уж шумный. Ну, только когда не спишь больше суток.

— Именно! — радостно подхватил Минхён. — Значит, сегодня я должен лечь попозже. Чтобы завтра быть не «ураганом», а «приятным бризом».

Арин рассмеялась:

— Приятным бризом, который случайно сносит все чашки со стола.

— Эй! — запротестовал Минхён. — Это было один раз! И там был сквозняк!

Они смеялись, перебивая друг друга, вспоминая старые истории, и даже Мина, обычно такая серьёзная, улыбалась, забыв на время про Хаджуна и Джиу.

Когда чашки опустели, Минхён потянулся и зевнул:

— Ладно, пора двигаться. У меня ещё реферат висит, а я даже не открывал файл.

— Идём, — кивнула Арин, собирая сумку. — Возьмём ещё по одному напитку с собой — пусть будет наш маленький ритуал.

— С корицей! — твёрдо сказал Минхён.

— С ванилью! — в тон ему ответила Мина.

— Просто чай, — тихо рассмеялась Арин.

Бариста, увидев, что они собираются уходить, снова подошёл:

— Ещё что-нибудь?

— Три напитка с собой, пожалуйста, — сказала Арин. — Один — горячий шоколад без сахара, но с корицей. Один — латте с ванилью. И один — зелёный чай.

— Сделаю, — кивнул бариста.

Когда они вышли на улицу, весенний ветер тут же подхватил их смех и унёс куда-то вдаль, смешиваясь с шумом города. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая крыши в тёплый золотистый цвет, и Пекин казался не просто шумным мегаполисом, а местом, где каждому найдётся свой уголок.

— Давайте в общагу, — предложила Мина. — Там спокойно, можно посидеть, подумать про доклады... ну, или просто ничего не делать.

— Идеально, — кивнул Минхён. — Я даже готов не шутить пять минут подряд.

— Держи меня, я сейчас упаду от удивления, — фыркнула Мина.

— Пять минут, не больше! — тут же уточнил Минхён, и все снова рассмеялись.

Они шли по улице, болтая о пустяках, и каждый из них нёс в себе свои чувства — Мина — свою тихую обиду и надежду, Минхён — усталость от вечной необходимости быть весёлым, Арин — тихое желание помочь тем, кто рядом, и Хаджун, о котором они сейчас не думали, но который был где-то там, в городе, всё ещё прятал своё сердце за холодной маской.

Глава 3. Храм Неба

На следующее утро Арин пришла к Храму Неба чуть раньше десяти. Она стояла у ворот, вдыхая прохладный воздух, пропитанный запахом свежей травы и едва уловимым дымком благовоний, доносившимся откуда-то издалека. Лёгкий ветерок играл с её длинными светлыми волосами, а серые глаза скользили по величественным линиям храмового комплекса — по изогнутым крышам, покрытым синей черепицей, по каменным плитам, помнившим шаги императоров.

Она нервно теребила ремешок сумки, поглядывая на часы, и пыталась убедить себя, что Хаджун просто задерживается. Но в груди всё равно шевелилось лёгкое беспокойство: вдруг он передумал? Вдруг её настойчивость показалась ему навязчивой?

И вот он появился — высокий, в тёмной куртке, с рюкзаком на плече, чёрные волосы аккуратно уложены, чёлка с пробором посередине падает на лоб. На одном ухе поблескивает висячая серёжка. Он шёл быстро, но без суеты, будто каждый его шаг был заранее рассчитан. Заметив Арин, он слегка замедлился, но не остановился.

— Прости, — бросил он, поравнявшись с ней. — В метро была задержка.

Арин покачала головой, стараясь скрыть облегчение:

— Ничего страшного. Главное, что ты пришёл. Здесь... здесь очень красиво, правда?

Хаджун окинул взглядом храм — не спеша, внимательно, словно пытался прочесть в его очертаниях какую-то скрытую историю.

— Да, — коротко ответил он. — Выглядит... внушительно.

Они вошли на территорию, и Арин тут же оживилась, стараясь не давить, но и не молчать. Она рассказывала о том, что Храм Неба был местом, где императоры молились о хорошем урожае, о круглой форме алтаря, символизирующей небо, о том, как акустика в Зале молений о хорошем урожае позволяла императору слышать собственный голос, будто бы обращённый к небесам. Хаджун слушал, не перебивая, иногда кивал, доставал телефон и делал снимки — не только архитектуры, но и деталей: резьбы на балках, узора на плитке, тени, падающей на ступени.

Сначала их разговор складывался неловко, фразы будто спотыкались друг о друга. Хаджун отвечал односложно, держался отстранённо, и Арин постепенно начала сдавать позиции — она всё ещё говорила, но тише, реже, а потом и вовсе замолчала, просто шагая рядом, позволяя тишине лечь между ними, не пытаясь её заполнить.

И именно тогда, когда Арин уже решила, что лучше вообще ничего не говорить, Хаджун вдруг остановился у одной из колонн, посмотрел на неё и спросил:

— А почему ты так любишь это место? Не из-за истории, а... лично. Что в нём для тебя?

Вопрос застал её врасплох. Она на мгновение замерла, потом улыбнулась — чуть смущённо, но искренне.

— Здесь тихо, — призналась она. — Даже когда вокруг много туристов, здесь можно найти уголок, где слышно только свои мысли. И ещё... мне нравится, что это место пережило столько веков. Оно видело столько людей, столько судеб... и всё равно стоит. Как будто напоминает: что бы ни случилось, можно выстоять.

Хаджун кивнул, будто эти слова нашли в нём какой-то отклик. Он достал телефон и, не спрашивая, сделал фото Арин — она стояла на фоне изогнутой крыши, солнце подсвечивало её светлые волосы, делая их почти серебряными, а серые глаза казались особенно глубокими.

— Для доклада, — коротко пояснил он, пряча телефон в карман, но в его голосе прозвучало что-то ещё — не просто формальность.

Дальше они уже шли не в тишине, а в спокойном, размеренном разговоре. Хаджун начал задавать вопросы — не много, но точные: о ритуалах, о символике чисел в архитектуре, о том,

почему именно весной сюда приходило особенно много паломников. Арин отвечала, радуясь, что он интересуется, и старалась не тараторить, давая ему время всё обдумать.

Пока они ходили туда-сюда по ступеням, фотографируя разные ракурсы, Арин незаметно морщилась — туфли, которые она надела ради красивого кадра, оказались слишком тесными. Но она не жаловалась, лишь чуть замедляла шаг, когда боль становилась особенно острой.

Хаджун заметил это почти случайно — когда Арин, пытаясь дотянуться до лучшего ракурса, неловко поставила ногу и чуть покачнулась. Он тут же подхватил её под локоть, крепко, но бережно.

— Ты ногу натёрла, — констатировал он, не как вопрос, а как факт, который нельзя игнорировать.

Арин хотела отмахнуться, сказать, что всё в порядке, но Хаджун уже смотрел на неё так, что спорить было бесполезно.

— Не надо делать вид, что не больно, — добавил он чуть мягче. — Я вызову такси. До библиотеки ты пешком не пойдёшь.

Спорить она не стала. В его голосе не было ни насмешки, ни раздражения — только спокойная уверенность, которая почему-то заставила её почувствовать себя в безопасности.

В такси они ехали молча, но это молчание уже не было тяжёлым. Арин смотрела в окно, наблюдая, как Пекин плавно перетекает из исторического в современный — от древних стен к стеклянным фасадам, от тихих переулков к шумным проспектам. Хаджун сидел рядом, постукивая пальцами по колену в такт невидимой мелодии, и время от времени поглядывал на экран телефона, просматривая сделанные снимки.

Библиотека встретила их полумраком и тишиной, нарушаемой лишь шелестом страниц и тихим стуком клавиш. Они нашли укромный уголок у окна, разложили книги, открыли ноутбук. Работа закипела: Арин делала заметки, Хаджун подбирал цитаты, они спорили о формулировках, смеялись над тем, как по-разному видят одни и те же детали.

Между делом разговор снова свернул на личное.

— Почему ты решил перевестись в наш университет? Я слышала, что университет в Шанхае тоже хороший, — подбирая слова, мягко спросила девушка, перекладывая листы с заметками.

Хаджун, не глядя на Арин, сдержанно рассказал о Шанхае, о бесконечных тренировках, о том, как он выкладывался до обмороков, а тренер всё равно не делал на него ставок.

— Я тогда понял одну вещь, — произнёс он, глядя куда-то в сторону, будто слова давались ему нелегко. — Что в этом мире ничего не даётся просто так. Всё нужно заслужить. Своим трудом, своей болью, своим временем.

Арин слушала, не перебивая. Ей хотелось сказать что-то ободряющее, что-то вроде «ты заслуживаешь большего», но она чувствовала, что пустые утешения здесь не помогут. Вместо этого она просто кивнула и тихо сказала:

— Наверное, именно поэтому ты так стараешься. Даже в докладе, даже в мелочах. Ты не из тех, кто делает кое-как.

Хаджун чуть приподнял бровь, будто не ожидал такого понимания, но ничего не ответил.

Через какое-то время Арин заметила, что его движения стали медленнее, глаза — тяжелее. Он ещё пытался печатать, но пальцы скользили по клавишам всё неувереннее. А потом он просто опустил голову на сложенные руки и уснул — тихо, почти незаметно, как будто усталость наконец догнала его.

Арин не рассердилась. Она не стала его будить. Вместо этого она аккуратно подложила под его голову свою свёрнутую кофту, чтобы ему было удобнее. Потом она дописала доклад сама, стараясь сохранить его стиль и мысли, а когда закончила, выделила главные тезисы текстовым выделителем — ярко-жёлтым, чтобы он сразу их заметил.

Она тихо встала, выключила светильник у их стола, оставив лишь тусклый свет от лампы на соседнем столе. Студенты вокруг продолжали учиться, кто-то шептался, кто-то пил кофе из бумажных стаканчиков, но для Арин весь этот шум будто отошёл на второй план. Она посмотрела на Хаджуна — на его острые черты лица, на чуть приоткрытые пухлые губы, на то, как спокойно он спал, — и улыбнулась.

Выходя из библиотеки, она тихо прикрыла за собой дверь.

Когда Хаджун проснулся, первое, что он увидел, был аккуратно распечатанный доклад с выделенными тезисами. Рядом лежала его копия, а под головой — кофта Арин. Он поднёс её к лицу и вдохнул — в ткани остался лёгкий, едва уловимый запах вишни и чего-то ещё, чего он не мог назвать, но что почему-то заставило его сердце биться чуть быстрее.

Он улыбнулся — редко, но искренне, так, что даже его обычно холодные черты лица на мгновение стали мягче. Потом он аккуратно сложил кофту, положил её в рюкзак, взял доклад и, не оглядываясь, пошёл к выходу, зная, что завтра обязательно увидит Арин и скажет ей спасибо — не за доклад, а за то, что она увидела его усталость, за то, что не стала давить, за то, что просто была рядом.

На следующий день в столовой, куда Арин пришла чуть позже обычного, уже сидели Мина и Минхён. Мина, как всегда, выглядела безупречно — волнистые каштановые волосы уложены, лёгкий макияж подчёркивал её большие карие глаза, а на губах играла едва заметная улыбка. Минхён же, напротив, выглядел так, будто только что выбрался из-под завала учебников: волосы взъерошены, футболка немного перекошена, а в глазах — смесь усталости и озорства.

— Ну наконец-то! — воскликнул Минхён, заметив Арин. — Мы уже думали, что ты решила стать отшельницей и поселиться в Храме Неба.

Арин закатила глаза, но не смогла сдержать улыбку:

— Очень смешно. Просто... вчера поздно вернулась.

Мина тут же наклонилась вперёд, её взгляд стал напряжённым, но в нём читалось искреннее любопытство:

— И? Рассказывай всё. Как всё прошло? Он хоть слово сказал, кроме «да» и «нет»?

Арин села за стол, положила сумку рядом и, слегка покраснев, начала рассказывать — про то, как Хаджун сначала держался отстранённо, про его неожиданный вопрос о том, почему ей так нравится Храм Неба, про то, как он сфотографировал её «для доклада», про такси, про библиотеку... и про то, как он уснул, а она дописала работу.

Когда она дошла до момента с кофтой, Мина вдруг тихо выдохнула:

— Знаешь, это... очень мило.

Минхён, который до этого молча слушал, вдруг фыркнул:

— Ледяная статуя, которая уснула на докладе? Звучит как описание героя из романтической комедии. Только вот я всё ещё не понимаю: он тебе нравится или ты просто пытаешься его спасти?

Арин нахмурилась, скрестив руки на груди:

— Я никого не спасаю. Просто... он выглядел таким уставшим. И одиноким. Разве это преступление — проявить немного заботы?

Минхён тут же поднял руки в примирительном жесте:

— Эй, я не осуждаю. Наоборот. Просто хочу убедиться, что ты не обожжёшься.

— Да никто мне не нравится, — поспешила оправдаться Арин, видя, что Мина готова вот-вот взорваться, хоть и не показывала этого. — Лучше расскажи, как вы с Донуком сходили в свой закрытый город.

Мина выглядела собранной, но в её больших карих глазах читалось напряжение — она то и дело поглядывала на вход, будто ждала, что вот-вот появится Хаджун. Минхён, напротив,

пытался казаться беззаботным: он болтал ногами, крутил в руках пластиковую вилку и рассказывал какую-то нелепую историю про то, как Донук чуть не уронил стопку книг, потому что отвлёкся на пролетавшую мимо чайку.

— Ты это серьёзно? — фыркнула Мина, но уголки её губ дрогнули. — Чайка? В центре Пекина?

— Ну, может, это была ворона, — легко согласился Минхён, подмигнув. — Но суть не меняется: Донук — ходячая катастрофа в хорошем смысле. Мы с ним вчера три часа сидели над этим докладом, и знаешь, что самое крутое? Он вдруг начал говорить. Не по делу, не про архитектуру, а просто... рассказывать. Про то, как в детстве ездил с бабушкой в Киото, как они ели моти на каждом углу, и как он тогда решил, что если в мире есть такие сладости, значит, мир не такой уж плохой.

Арин улыбнулась, слушая его. В этом был весь Минхён — он умел вытаскивать людей из их скорлупы, даже если сам не понимал, как это делает.

Но это тепло тут же дрогнуло, когда в столовую вошёл Хаджун. Высокий, собранный, в своей сдержанной, но стильной одежде, он шёл так, будто весь мир был просто декорацией, а он — единственным, кто знал сценарий. Его тёмно-карие глаза скользнули по залу, и когда они остановились на их столике, Арин почувствовала небольшую неловкость, в то время как Мина поймала себя на том, как сердце на мгновение пропустило удар.

Хаджун остановился у их стола, молча поставил стакан с кофе, украшенный взбитыми сливками и маршмеллоу напротив Арин, потом достал из рюкзака её кофту и положил рядом.

— Спасибо, — коротко сказал он, его голос звучал так же холодно, как всегда, но в глазах мелькнуло что-то... благодарность? — За вчерашнее. И за доклад.

Арин кивнула, не зная, что сказать. Слова будто застряли в горле.

Минхён, не теряя ни секунды, тут же схватил стакан и сделал большой глоток, будто бросая вызов:

— Арин не пьёт кофе. И уж точно не любит сладкое. Так что я спасу этот напиток от одиночества.

Хаджун слегка приподнял бровь, будто оценивая эту выходку, и спокойно ответил:

— Не знал. В следующий раз выберу что-то, что ей нравится.

Минхён тут же встал, его лицо стало серьёзным, почти раздражённым:

— Слушай, не надо. Не надо «следующего раза». Арин и так много для тебя сделала. Не стоит... усложнять.

Хаджун посмотрел на него, его тёмные глаза стали ещё холоднее:

— Я не усложняю. Просто благодарю. По-своему.

Арин, наконец, нашла голос:

— Всё в порядке, — поспешно сказала она, пытаясь разрядить обстановку. — Правда. Хаджун просто благодарит. И... спасибо, — добавила она, глядя на него. — За то, что пришёл вчера. И за помощь с докладом. Даже если большую часть работы я сделала сама.

Уголок губ Хаджуна едва заметно дрогнул — почти улыбка, но не совсем.

— Ты хорошо пишешь, — коротко бросил он. — И видишь детали, которые другие пропускают.

Мина, которая до этого сидела молча, вдруг фыркнула:

— Ну вот, теперь у нас тут литературный кружок. Может, ещё стихи начнём читать?

Ситуацию нагнетал шёпот, заполнивший всю столовую, которая вдруг превратилась в кружок для обсуждений: слух о том, как Хаджун принёс Арин кофе разлетелся по столовой быстрее, чем расписание экзаменов. Кто-то шептался, кто-то хихикал, кто-то делал ставки: «Да он в неё влюблён», «Да просто вежливый», «Да она ему вообще не интересна».

В этот момент в столовую вошла Джиу. Её длинные чёрные волосы были уложены идеально, зелёные глаза сверкали, а на губах играла лёгкая улыбка. Она оглядела зал, заметила их столик и направилась прямо к ним.

— О, какие люди! — весело сказала она, останавливаясь рядом с Хаджуном. — Хаджун, помнишь, я говорила тебе про вечеринку в выходные? Я устраиваю её в доме у своих родителей, и я подумала, что тебе там будет интересно. Ты сможешь там со всеми познакомиться, ну, и вообще, будет весело.

Хаджун слегка нахмурился, будто эта идея ему не очень нравилась:

— Не уверен. У меня много учёбы.

Джиу не сдавалась:

— Да ладно тебе! Учёба никуда не денется. А вечеринка — это шанс расслабиться. Ну, пожалуйста!

— Ты там будешь? — обратился Хаджун к Арин, которая уже несколько минут мечтает провалиться под землю из-за взглядов вокруг, которые сверлили её насквозь.

— Сколько мы тут учимся, Джиу никогда не приглашала нас на свои вечеринки, но может это и к лучшему — проворчала Мина, лицо которой уже было пунцового цвета.

— Кстати, вы тоже приходите. Будет еда, музыка, можно просто поболтать. Ну... если хотите. — процедила Джиу. — Мы придём. Правда, ребята? — уцепился за момент Минхён, который обожал вечеринки, но редко на них ходил из-за солидарности с Арин и Миной.

Мина хотела что-то возразить, но Арин тихо шепнула ей:

— Это твой шанс. Побудь рядом с ним. Просто поболтай. Без драм.

Мина закатила глаза, но уголки её губ дрогнули в лёгкой улыбке:

— Ладно. Только если ты пообещаешь, что не будешь весь вечер смотреть на Хаджуна.

Арин рассмеялась:

— Обещаю. Буду смотреть только на еду.

Тот бушующий океан, который неистовствовал внутри Миной окончательно угас, оставив после себя послевкусие стыда и вины. «Ты же подруга, — напонила она себе. — Даже если бы между ними что-то было, ты должна была порадоваться за неё». Но радоваться не получалось.

Мина сдержанно кивнула.

— Отлично, — кивнул Минхён, уже входя в свою привычную роль заводилы. — Дом родителей Джиу, куча еды, музыка, возможно, даже танцы. И, самое главное, никто не будет требовать от тебя, Хаджун, быть кем-то другим. Ты можешь просто... стоять в углу и смотреть. Или пить чай. Или вообще уйти через пять минут. Никто не обидится.

Хаджун, который всё это время стоял, будто наблюдая за ними со стороны, ухмыльнулся и наконец кивнул:

— Тогда до встречи.

Он коротко кивнул всем и направился к выходу. Джиу бросила на Мину короткий, почти презрительный взгляд, потом поспешила за ним.

Когда они ушли, Арин вытерла пот, выступивший на лбу, и тихо выдохнула:

— Фух. Ну и утро.

Минхён рассмеялся:

— Да уж. Зато теперь у нас есть план на выходные. Вечеринка, разговоры, возможно, даже танцы. Жизнь налаживается!

Мина покачала головой, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на предвкушение:

— Главное, чтобы Джиу не устроила какую-нибудь драму. А то я не выдержу ещё одного её «случайного» столкновения с Хаджуном.

Арин улыбнулась, чувствуя, как напряжение постепенно уходит:

— Не переживай. Мы что-нибудь придумаем.

Глава 4. Первое письмо Юджуна

Весна в спортивном университете в Китае расцветала не только за окнами — она витала в воздухе аудитории, где пахло свежей бумагой, кофе из соседнего кафе и едва уловимым ароматом цветущей сакуры, просочившимся сквозь приоткрытое окно. На паре истории Китая студенты готовились к защите докладов, и напряжение смешивалось с предвкушением, как в хорошей романтической комедии, где каждый взгляд — реплика, а каждая пауза — целая сцена.

Арин сидела на привычном месте — между Минхёном и Миной. Её длинные светлые волосы были собраны в небрежный хвост, несколько прядей мягко обрамляли лицо, подчёркивая её спокойную красоту. Она листала страницы своего доклада, но взгляд то и дело скользил в сторону, туда, где Хаджун тихо перекалывал листы, будто каждое движение имело значение.

Минхён, как всегда, не мог усидеть спокойно. Он то и дело подталкивал Арин локтем, шептал что-то смешное, пытаясь разрядить её напряжение, но сегодня она лишь слабо улыбалась, а её мысли были где-то между строками про Храм Неба и тем, как Хаджун вчера задержался с ней после тренировки, чтобы помочь разобраться с датами династий.

— Ты сегодня какая-то... другая, — прошептал Минхён, наклоняясь ближе. — Будто ждёшь чего-то. Или кого-то.

Арин бросила на него суровый взгляд, но в нём не было настоящей строгости — только лёгкая неловкость.

— Не выдумывай, — тихо ответила она, но щёки предательски порозовели.

Мина, сидевшая с другой стороны, заметила это и нахмурилась. Её большие карие глаза метнулись сначала к Арин, потом к Хаджуну, который, будто почувствовав взгляд, на секунду поднял голову и едва заметно кивнул Арин. Мина сжала ручку так, что побелели костяшки. Она была достигатором, привыкла брать своё, но сейчас чувствовала, как что-то ускользает.

— Он просто вежливый, — пробормотала она себе под нос, но голос прозвучал громче, чем хотелось.

Джиу, сидевшая через ряд, услышала. Её зелёные глаза вспыхнули. Она уже давно пересела поближе к Хаджуну — якобы чтобы лучше слышать объяснения преподавателя, но все знали, зачем. Сейчас она смотрела на Арин с прищуром, в котором читалось: «Когда это они успели?»

Преподаватель начал вызывать студентов. Первой парой были Арин и Хаджун. Они встали одновременно, будто отрепетировали это заранее, хотя на самом деле всё вышло само собой. Хаджун чуть отодвинул стул на ряду Арин, чтобы дать ей пройти, и на секунду их пальцы случайно соприкоснулись — лёгкий электрический разряд, который заметила только Арин... и, возможно, Минхён, потому что он тихо хмыкнул.

Их доклад о Храме Неба был безупречен. Арин говорила спокойно, уверенно, её голос звучал мягко, но чётко, а Хаджун дополнял её, добавляя детали, которые делали рассказ живым. Сегодня он даже сел к ней поближе в аудитории — настолько незаметно, что никто не мог бы обвинить его в нарочитости, но все заметили. Особенно Мина, которая пыталась улыбаться, но улыбка получалась натянутой.

Когда они закончили, преподаватель кивнул, явно довольный.

— Отлично. Очень слаженная работа. Чувствуется, что вы не просто поделили текст, а действительно обсуждали материал. Пять.

В классе раздалась тихие аплодисменты. Арин выдохнула, чувствуя, как напряжение уходит. Но самое неожиданное было впереди.

Хаджун повернулся к преподавателю и спокойно сказал:

— Это всё благодаря Арин. Она собрала все материалы, структурировала, даже меня заставила выучить несколько цитат наизусть.

Арин замерла. Её серые глаза расширились, а щёки вспыхнули так ярко, что даже Минхён не смог удержаться от тихого:

— Ну вот, теперь ты звезда.

Мина сжала губы, стараясь не выдать раздражения, а Джиу фыркнула, будто пытается показать, что ей всё равно, но в её взгляде читалось недоумение и лёгкая обида.

Следующая пара — Мина и Джиу. Они должны были рассказывать о Летнем дворце, но с самого начала всё пошло не так. Мина начала говорить, а Джиу перебивала, пытаясь вставить свои мысли, которые не совпадали с тем, что было написано на слайдах. Оказалось, что они готовились отдельно, думая, что каждая сделает свою часть, и теперь их доклад рассыпался, как плохо склеенная мозаика.

Преподаватель слушал, хмурия брови, и когда они закончили, покачал головой.

— Вы не команда, — сказал он спокойно, но твёрдо. — Вы две отдельные работы, случайно оказавшиеся рядом. Три. И советую вам научиться договариваться.

Мина вспыхнула, а Джиу резко отвернулась, будто это она была обижена.

— Если бы ты слушала меня хоть раз, — прошипела Мина, когда они возвращались на свои места.

— А если бы ты не пыталась всё контролировать, — огрызнулась Джиу.

Они сели по разные стороны аудитории, и даже воздух между ними стал колючим.

Спустя ещё несколько докладов, наконец, настала очередь Минхёна и Донука. Минхён вышел вперёд с такой театральностью, будто собирался не доклад читать, а играть в пьесе.

— Уважаемые коллеги, — начал он с пафосом, — сегодня мы с моим скромным, но гениальным напарником перенесём вас в тайны Запретного города!

Донук покраснел, но не отвёл взгляд. Минхён каким-то чудом вплеел в свой яркий рассказ и сухие факты Донука, дав ему слово в самый нужный момент, когда все уже расслабились от шуток и были готовы слушать. Донук заговорил тихо, но чётко, и в его голосе прозвучала такая искренность, что даже преподаватель наклонился вперёд, чтобы не пропустить ни слова.

Когда они закончили, в аудитории повисла тишина — а потом раздался смех, но добрый, и аплодисменты.

— Очень нестандартно, — сказал преподаватель, улыбаясь. — Но информативно. Пять.

Донук посмотрел на Минхёна с таким восхищением, что тот только пожал плечами, будто это было пустяком. Но в глубине души он знал — это был не пустяк. Это было начало дружбы, которую Донук будет хранить как самое дорогое.

— Ну что, сегодня был неплохой день, практически все молодцы, — завершал пару профессор, — так уж и быть, дам вам время на отдых, внеурочного задания не будет, жду Вас на следующее занятие после выходных.

Арин выдохнула, оглядывая аудиторию. Мина всё ещё дулась, Джиу делала вид, что ей всё равно, Хаджун снова уткнулся в свои записи, но иногда поднимал глаза на Арин, будто проверяя, всё ли в порядке. Минхён подмигнул подруге, а она покачала головой, но улыбнулась.

— Ну что, в кофейню? — как заколдованный повторял Минхён после каждого занятия.

— Пойдёмте, — обратилась к друзьям Арин, собирая сумку.

Прежде чем Минхён успел предложить своё любимое место с видом на стадион, из динамиков под потолком раздался бодрый голос университетского радио.

— Всем привет, дорогие студенты! — пропела ведущая, и её голос, звонкий и чуть хриловатый, заполнил аудиторию. — Сегодня у нас отличные новости: погода просто идеальна для пробежки, волейбольного матча или хотя бы для того, чтобы просто постоять и подышать этим весенним воздухом.

— Уже три часа? Ну и задержал же нас этот старик — пробурчала Мина, которая была сегодня явно не в духе.

— Это были все новости на сегодня, поэтому пришло время... Погодите. Мне передали, что нас с вами ждёт ещё кое-что интересненькое. В редакцию только что пришло письмо на электронную почту от неизвестного пользователя. И оно... ну, скажем так, очень интригующее...

В аудитории кто-то хихикнул, кто-то закатил глаза, но все невольно замерли. Даже Хаджун, который до этого спокойно застёгивал молнию на своем рюкзаке, чуть приподнял бровь, будто сам не ожидал, что его внимание привлечёт что-то, кроме расписания тренировок.

Ведущая сделала драматическую паузу, а потом начала читать:

— «Сегодня погода словно создана для того, чтобы радовать — но даже вся эта красота меркнет рядом с тобой. Когда ты выступала с докладом, я не мог отвести взгляд: в тебе столько света и очарования, что всё вокруг будто перестало существовать. Знаю, что кажусь равнодушным к тебе — просто никак не найду нужных слов, чтобы рассказать о том, что творится у меня на душе. Но когда наконец решусь открыться, очень прошу: будь ко мне добра, не разбивай моё сердце. Твой Юджун».

На мгновение в аудитории повисла тишина, нарушаемая только тихим гудением кондиционера. И тут все три девушки — Арин, Мина и Джиу — одновременно повернулись к Хаджу. Он, казалось, даже не заметил этого движения, продолжая спокойно застёгивать сумку. Но когда три пары глаз уставились на него, он чуть приподнял одну бровь, словно спрашивая: «Что?».

— Да бросьте, — фыркнула Джиу, но голос прозвучал чуть резче, чем нужно. — Хаджун? Да он даже «доброе утро» говорит так, будто подписывает смертный приговор. Это точно не он.

— Это может быть вообще кто угодно, мало ли сколько студентов сегодня читали свои доклады. Тем более никаких Юджунов у нас нет, так что расследование провалилось, — успокоила всех Мина.

В этот момент Минхён тоже повернулся — на Арин, проследив за её взглядом. И в его карих глазах мелькнуло что-то похожее на лёгкую тень разочарования, быстро спрятанную за привычной шуткой. Минхён на секунду замер, потом тряхнул головой, будто сбрасывая наваждение, и протянул Арин руку:

— Ну что, идём? А то я сейчас умру от переизбытка романтики в воздухе.

Арин вложила свою ладонь в его руку, и они вместе вышли из аудитории, оставляя позади эхо загадочного письма и начало новой истории, которая, казалось, только начинала набирать обороты.

Глава 5. Вечеринка

Сегодня погода на улицах Пекина радовала: солнце, тёплый освежающий ветер, слегка касающийся кожи, как шёлковая простыня. Воздух на улице пах цветущими магнолиями, влажной землёй и лёгким предчувствием чего-то неизбежного. Спортивный университет, обычно шумный и суетливый, к вечеру будто выдохнул — пары закончились, студенты разлетелись по секциям, а те, кто не спешил, растворялись в золотистом свете заката. Но сегодня вечер был особенным: Джиу устроила вечеринку в просторном доме родителей, пока те были в отъезде, и весь кампус только об этом и говорил.

Арин, Мина и Минхён шли по узкой улочке, вымощенной гладким камнем, и воздух казался гуще от предвкушения. Арин в лёгком платье цвета слоновой кости на тонких лямках, с распущенными светлыми волосами, слегка щурилась от закатного солнца. Мина, напротив, шла уверенно, в ярко-розовом платье, подчёркивающим её миниатюрную фигуру, и без умолку болтала, то и дело поправляя волнистые каштановые волосы. Минхён, в футболке и джинсах, шагал рядом, подшучивая над подругами и то и дело подталкивая Арин локтем, чтобы она не споткнулась о собственные мысли.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — в очередной раз тихо спросила Арин, поглядывая на высокие ворота дома Джиу, за которыми уже слышалась музыка. — Она нас не слишком-то жалует.

— Она позвала Хаджуна, — уверенно ответила Мина, поправляя ремешок на туфельке. — А значит, позвала и нас. Логика железная.

Минхён фыркнул:

— Логика у тебя всегда железная, когда речь заходит о парнях. Но я бы на твоём месте не обольщался. Джиу — как тайфун: красиво, эффектно, но лучше держаться подальше.

Они вошли в дом, где пахло свежими цветами и чем-то сладким, и почти сразу столкнулись с Джиу. Та стояла у лестницы, в чёрном платье с открытыми плечами, и смотрела на них так, будто они случайно забрели на чужую территорию. Её длинные чёрные волосы были уложены идеально, а зелёные глаза сверкали недобрым блеском.

— О, — протянула она, едва заметно приподняв бровь. — Вы всё-таки пришли.

— Ну а как же, — бодро ответила Мина, будто не замечая холода в голосе соперницы. — Вечеринка без нас — не вечеринка.

Джиу лишь пожала плечами и махнула рукой в сторону внутреннего двора:

— Там всё. Не мешайте.

Арин тихо вздохнула, но Мина уже тянула её за руку, увлекая вперёд. Минхён шёл следом, тихо бормоча:

— Чувствую, сегодня будет весело. В плохом смысле.

Внутренний двор словно сошёл с обложки модного журнала: газон, усыпанный светящимися фонариками, светомузыка, отбрасывающая цветные блики на лица гостей, и толпа студентов, кто-то танцевал, кто-то смеялся, кто-то уже вовсю дегустировал коктейли..

— Так, — Мина остановилась, оглядываясь по сторонам, словно генерал перед битвой. — Хаджун ещё не пришёл. Значит, у нас есть время.

— Время на что? — Арин улыбнулась, стараясь не выдать собственного волнения. Ей не очень нравились такие вечеринки — слишком много людей, слишком много шума, да и пить она не умела. Но ради подруги она была готова потерпеть.

— На то, чтобы настроиться, — серьёзно ответила Мина. — И выпить чего-нибудь. Минхён, будь другом, принеси нам коктейли. Что-нибудь яркое, с зонтиком.

Минхён закатил глаза, но послушно кивнул:

— Сейчас вернусь. Только не начинайте без меня.

Как только он ушёл, Мина тут же схватила Арин за руки и зашептала:

— Слушай, если он придёт, я должна быть готова. Я столько раз продумывала, что скажу, но сейчас всё вылетело из головы. Может, просто подойти и сказать: «Привет, ты классно выглядишь»? Или это слишком банально? А если он подумает, что я навязчивая?

Арин мягко улыбнулась и взяла подругу за руки:

— Мина, ты не навязчивая. Ты просто... очень энергичная. И это круто. Но Хаджун — парень непростой. Он не любит, когда на него давят. Так что давай без штурма крепости, ладно? Просто подойди, предложи ему выпить, поболтай о чём-нибудь нейтральном. О погоде, о кампусе, о чём угодно. Главное — будь собой.

Мина глубоко вздохнула, будто собираясь с силами, и кивнула:

— Ладно. Ты права. Спокойствие, только спокойствие.

В этот момент вернулся Минхён с тремя яркими коктейлями, украшенными дольками фруктов и крошечными зонтиками.

— Вот, — протянул он один Арин, другой Мине. — Надеюсь, это не яд. Джиу смотрела на меня так, будто хотела превратить в лягушку.

Арин рассмеялась, делая маленький глоток. Вкус был сладким, с лёгкой кислинкой, и на мгновение все тревоги будто растворились.

— Давайте танцевать, — предложила Мина, ставя стакан на ближайший столик. — Пока Хаджун не пришёл, надо хоть немного расслабиться.

И они закружились в танце, забыв обо всём: о соперничестве, о волнениях, о том, что где-то рядом Джиу следит за каждым их движением. Арин двигалась легко, будто плыла по волнам музыки, Мина — энергично, с улыбкой, которая могла осветить весь двор, а Минхён — с той непринуждённой грацией, которая всегда привлекала к нему внимание.

Когда дело дошло до третьего коктейля, Мина замерла, её глаза расширились, а улыбка стала напряжённой.

— Он пришёл, — прошептала она, глядя куда-то в сторону. — Хаджун.

Все трое обернулись. Хаджун стоял у входа во двор, высокий, статный, в тёмной шёлковой рубашке и узких брюках, с висячей серёжкой, поблескивающей в свете фонарей. Его лицо было, как всегда, непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то — может быть, лёгкое любопытство, а может, просто усталость от всей этой суеты.

Мина судорожно вздохнула:

— Что мне делать? Я не готова!

Арин быстро поставила стакан и схватила подругу за руку:

— Спокойно. Помнишь, что я говорила? Никакой паники. Просто подойди, предложи ему выпить. И не дави. Ты же не каток, правда?

Мина нервно хихикнула:

— Ладно, ладно. Я справлюсь.

Она схватила два коктейля и решительно направилась к Хаджуну, а Арин и Минхён переглянулись.

— Ну что, — тихо сказала Арин, наблюдая, как Мина подходит к Хаджуну и что-то оживлённо говорит, размахивая руками. — Кажется, началось.

Минхён хмыкнул:

— Да уж. Надеюсь, он не сбежит через пять минут.

— Держи, — сказала Мина, чуть приподняв бровь. — Я не спрашивала, что ты любишь, так что взяла наугад. Но, помоему, тут столько сахара, что даже ты улыбнёшься.

— Я не пью на вечеринках, — произнёс ровно Хаджун. — Особенно когда не знаю, кто и как это смешивал.

Мина не растерялась. Она поставила оба бокала на ближайший столик, чуть наклонилась вперёд, и голос её стал тише, но напористее, будто она перешла от шутки к чему-то настоящему.

— Ладно, допустим. Но ты хотя бы скажи, почему стоишь тут, как статуя в тёмном углу? Вечеринка уже час как идёт, а ты будто ждёшь, когда все разойдутся. Или у тебя какойто секретный план?

Он пожал плечами, и на мгновение уголок его губ едва заметно приподнялся — не улыбка, а скорее тень улыбки, будто он сам удивился тому, что почти улыбнулся.

— Мне нравится наблюдать, — признался он, не отводя взгляда. — Тут столько людей, и каждый притворяется кемто другим. Ктото смелее, ктото богаче, ктото счастливее... Это... забавно. Как театр, где все забыли, что это просто игра.

Мина рассмеялась — легко, звонко, будто гдето рядом звякнули серебряные колокольчики.

— А ты, значит, не притворяешься? Стоишь такой мрачный, в своей шикарной рубашке, будто весь мир тебе чемто обязан... и при этом говоришь, что просто наблюдаешь. Не смеши меня. Ты здесь, чтобы все на тебя смотрели. И знаешь что? У тебя отлично получается. Даже те, кто делает вид, что не смотрит, всё равно смотрят.

Хаджун чуть прищурился, и в его голосе появилась лёгкая ирония, как будто он наконецто почувствовал, что игра началась.

— Ты слишком много говоришь.

Мина кивнула, будто это было именно то, что она и хотела услышать — подтверждение, что она его зацепила.

— Да, я такая. Но знаешь, что ещё я люблю? Танцевать. А ты стоишь тут и портишь мне статистику: на этой вечеринке ещё никто не отказался потанцевать со мной. Давай не будем нарушать традицию.

Он скрестил руки, посмотрел на неё с лёгким вызовом, будто пытался сохранить дистанцию, но в глубине глаз уже мелькнуло чтото похожее на интерес.

— Традиции — это для тех, кто ищет одобрения. Я ни у кого ничего не прошу.

Она сделала шаг ближе, но не вторглась в его личное пространство — скорее дразнила, чем давила, как кошка, которая проверяет, насколько близко можно подойти к собаке.

— А я и не прошу тебя просить. Просто один танец. Пять минут. Если тебе не понравится — уйдёшь, никто слова не скажет. Ну же, Хаджун... даже статуи иногда двигаются, когда играет хорошая музыка.

На секунду он задержал взгляд на её улыбке, будто пытался разгадать, что за ней скрывается — озорство, вызов или чтото более глубокое. Пауза затянулась, и в этот момент музыка будто стала чуть тише, будто сама вечеринка затаила дыхание. А потом он чуть наклонил голову, признавая её настойчивость, и произнёс:

— Пять минут. И если музыка окажется плохой — я ухожу. Без объяснений.

Глаза Мины загорелись, как две маленькие лампочки. Она уже хотела схватить его за руку, но тут же спохватилась, будто вспомнила, что нельзя быть слишком нетерпеливой, и вместо этого просто кивнула в сторону танцпола.

— Договорились. И... знаешь, я рада, что ты не из тех, кто говорит «да» просто чтобы быть вежливым. Это честно. А честность я ценю даже больше, чем танцы.

Он последовал за ней, не спеша, но и не сопротивляясь. На ходу бросил короткий взгляд в её сторону, будто всё ещё не до конца верил, что позволил себя уговорить.

— Не обольщайся. Я просто решил, что пять минут тишины среди этого шума — уже неплохо.

Мина улыбнулась, уже почти на танцполе, и обернулась через плечо, её платье взметнулось лёгкой волной.

— Тишины? Да тут так громко, что даже мысли не слышно! Но знаешь... иногда в шуме можно услышать чтото важное. Может, сегодня как раз такой вечер.

Они вышли на импровизированный танцпол. Свет гирлянд лёг на яркорозовое платье Мины, превратив его в облако из света и тени, а чёрную рубашку Хаджуна окрасил в оттенки синего и фиолетового. Музыка подхватила их, закружила, размывая границы между холодностью и теплом, между сопротивлением и согласием. И в этот момент, среди мигающих огней и гула голосов, что-то между ними сдвинулось — совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы вечер перестал быть просто вечеринкой и стал началом чего-то нового.

Арин наблюдала за ними, улыбаясь, а Минхён тихо сказал:

— Знаешь, она как ураган. Но, может быть, именно это ему и нужно. Чтобы кто-то провалился сквозь эту броню.

Арин кивнула, не отрывая взгляда от танцующей пары:

— Может быть. Или ему просто нужен кто-то, кто не боится быть собой.

Он кружил Арин за руку, и она, слегка опьяневшая от коктейля и музыки, вдруг прижалась к нему, смеясь:

— У меня кружится голова! Или это ты так кружишься?

Минхён усмехнулся, не отпуская её:

— Это ты пьяна, Арин. Но не переживай, я тебя держу.

Она хотела было возразить, но вместо этого снова рассмеялась и уткнулась лбом ему в плечо, чувствуя, как тепло разливается внутри.

— Эй, — тихо сказал Минхён, чуть наклоняясь к её уху. — Ты в порядке?

— В полном, — прошептала она, не поднимая головы. — Просто сегодня слишком много всего.

Минхён нахмурился, но тут же снова растянулся в улыбке, пытаясь скрыть беспокойство. Он знал: когда Арин пьяна, она становится... другой. Не такой тихой, не такой осторожной. И это одновременно и радовало, и пугало его.

В центре зала Мина кружилась в танце с Хаджуном. Она смеялась, запрокидывая голову, её каштановые волосы взлетали в такт движениям, а глаза сияли. Она делала всё, чтобы он заметил её — и, кажется, это работало. Хаджун, обычно такой сдержанный, даже улыбался — едва заметно, уголком губ, но этого было достаточно, чтобы сердце Мины билось быстрее.

Но вдруг Хаджун замер. Его взгляд скользнул через зал и остановился на Арин, которая теперь прислонилась к Минхёну, чтобы не потерять равновесие. В её жесте не было ничего особенного, но для Хаджуна этого хватило. Он мягко, но твёрдо высвободил руку из хватки Мины.

— Прости, — сказал он, и его голос прозвучал непривычно хрипло. — Мне нужно кое-что проверить.

Мина застыла, её улыбка медленно сползла с лица.

— Что? Куда? — она потянулась за ним, но он уже шёл через двор, ловко лавируя между танцующими.

Хаджун остановился перед Арин и Минхёном, его тёмные глаза внимательно изучали девушку.

— Всё в порядке? — спросил он, чуть наклонив голову. — Ты выглядишь... не очень.

Арин подняла на него взгляд и хихикнула — звук был таким непривычным, что даже Минхён замер.

— О, Хаджун! — воскликнула она, чуть не потеряв равновесие. — Ты такой серьёзный. Как будто пришёл спасать мир. Или меня. Но не надо, я в порядке! Честно.

Минхён стиснул зубы. Его пальцы сжались в кулаки, а в груди что-то неприятно кольнуло.

— Когда Арин со мной, она в полной безопасности, — резко произнёс он, глядя прямо на Хаджуна. — Я заботился о ней все эти пятнадцать лет — сначала в детском саду, потом в школе, теперь здесь. И сейчас она точно не нуждается в чьей-то... опеке.

Хаджун не отвёл взгляда, но в его глазах мелькнуло что-то, похожее на понимание.

— Я не пытаюсь её забрать, — спокойно ответил он. — Просто хотел убедиться, что с ней всё хорошо.

Арин снова хихикнула и прижалась к Минхёну чуть сильнее.

— Видишь? — сказала она, глядя на Хаджуна с наивной искренностью. — Я в надёжных руках. Минхён меня не уронит. Он даже однажды поймал меня, когда я поскользнулась на льду. Правда, потом сам упал. Но это неважно! Главное, что мы оба остались целы.

Минхён фыркнул, но в его взгляде мелькнула нежность.

— Да, это была эпическая сцена, — пробормотал он. — Весь район, наверное, слышал, как я кричал.

К ним подошла Мина, её лицо было напряжённым, а в глазах читалась смесь обиды и тревоги.

— В чём дело? — спросила она, переводя взгляд с одного на другого. — Давай не будем им мешать. Пойдём, Хаджун, — она схватила его за руку, пытаясь утянуть обратно на танцпол. — Там такой ритм, ты не представляешь!

Но Хаджун не двинулся с места.

— Минуточку, — мягко сказал он, высвобождая руку. — Сначала хочу убедиться, что Арин действительно в порядке.

И тут музыка изменилась. Басы стихли, и зал наполнился медленной, тягучей мелодией — той самой, которую Джиу специально заказала, надеясь, что именно под неё Хаджун наконец-то пригласит её на танец.

Джиу стояла у края танцпола, её зелёные глаза сверкали, а губы были сжаты в тонкую линию. Она уже собиралась подойти к нему, но Хаджун сделал шаг вперёд и протянул руку Арин.

— Потанцуем? — спросил он, и в его голосе прозвучало что-то новое — не холод, не отстранённость, а... тепло.

Арин на секунду замерла, потом вдруг сделала неуклюжий, но очаровательный книксен, чуть не потеряв равновесие, и схватила его за руку.

— С удовольствием! — провозгласила она, словно объявляя о великом событии. — Я, правда, не очень хорошо танцую, но зато у меня отличное чувство ритма... ну, по крайней мере, мне так кажется.

Они вышли на танцпол, и Хаджун аккуратно притянул её к себе, стараясь держать дистанцию, но Арин, не замечая этого, прижалась чуть ближе.

— Знаешь, — прошептала она, глядя ему прямо в глаза, — я не думала, что ты умеешь танцевать. Ты такой... серьёзный. А тут вдруг — бац! — и ведёшь меня, как в кино.

Хаджун едва заметно улыбнулся.

— Я учился, — признался он. — В детстве мама заставляла меня ходить на танцы. Говорила, что каждый мужчина должен уметь вести партнёршу. Я ненавидел это, но... теперь, кажется, пригодилось.

Арин рассмеялась, и этот смех был таким искренним, что даже Хаджун не смог сдержать улыбку.

Тем временем Мина стояла на краю танцпола, сжимая кулаки. Её взгляд метался между Арин и Хаджуном, и в груди всё сжималось от непонятного чувства — то ли ревности, то ли страха потерять то, к чему она стремилась.

Минхён подошёл к ней и, не спрашивая разрешения, схватил за руку и потянул к себе.

— Эй, — сказал он, заставляя её посмотреть на себя. — Не надо так. Ты же знаешь, что ты невероятная. И он... он просто сейчас отвлёкся.

Мина попыталась вырваться, но Минхён держал крепко — не больно, но достаточно, чтобы она не смогла уйти.

— Почему она согласилась? — прошептала Мина, её голос дрожал.

Минхён вздохнул, его взгляд стал серьёзным — таким, каким она его редко видела.

— Потому что она пьяна, — ответил он, стараясь говорить спокойно. — И потому что... он к ней тянется. Не к тебе. Пока что.

Мина закусила губу, её глаза наполнились слезами, но она быстро сморгнула их.

— А если это он написал ей то письмо? — прошептала она. — Что мне тогда делать?

— Тогда ты должна будешь отступить.

— Что? Но я не могу... — глаза Мины растерянно забегали

Минхён на секунду замер, потом его пальцы крепче сжали её запястье, а взгляд стал холодным и пустым.

— Если между ними происходит что-то настоящее, — тихо, но твёрдо произнёс он, — ты должна отступить. Она твоя подруга. Ты же знаешь: ради тебя она всегда будет отступать от него, даже если будет любить.

Мина хотела возразить, хотела закричать, что не может, что не хочет, но слова застряли в горле. Вместо этого она просто кивнула, чувствуя, как внутри всё сжимается от боли и понимания.

— А ты сможешь? — заглянула ему в глаза Мина.

— О чём это ты? — с запинкой произнёс Минхён, ведя подругу в танце.

— Сможешь отпустить её? И не нужно сейчас из меня делать дуру, “мы брат и сестра” и бла-бла-бла. Я дружу с вами уже 5 лет и я не слепая.

— Тебе показалось. Я хочу, чтобы она была счастлива. Она заслужила это так, как никто — констатировал Минхён, проглотив ком в горле.

Они начали танцевать — не так, как раньше, когда Мина кружилась с Хаджуном, а медленно, почти механически, будто пытаясь заглушить свои мысли ритмом музыки.

Арин и Хаджун продолжали кружиться в центре зала. Арин что-то шептала, смеялась, иногда спотыкалась, но Хаджун каждый раз успевал её подхватить.

— Знаешь, — вдруг сказала Арин, приподнимаясь на цыпочки, чтобы быть ближе к его уху, — ты не такой холодный, как все думают. Ты просто... прячешься. Но я вижу. И это... мило.

Хаджун наклонился чуть ближе, чтобы она услышала его сквозь гул вечеринки, и почти прошептал:

— Не надо придумывать то, чего нет.

Арин покачала головой, и её глаза засияли так, будто кто-то включил в них маленькую лампочку.

— Не-а, не буду. Я не придумываю. Просто рядом с тобой не стыдно быть самой собой. Даже если я болтаю ерунду. Даже если чуть-чуть пьяная. Ты не осуждаешь. Ты просто стоишь рядом. И этого достаточно. Честно! Ну, разве что ещё можно принести мне стакан воды... но это уже мелочи.

После короткой паузы Хаджун произнёс почти неохотно, но на этот раз искренне:

— Если ты завтра будешь жалеть о каждом слове — скажи мне. Я напому, что ничего не слышал. Могу даже поклясться на своём любимом приложении для заметок.

Арин улыбнулась, почти сонно, и положила голову ему на плечо.

— Не буду. Мне нравится, что ты такой молчаливый. С тобой можно просто молчать. Или вот так болтать, пока мир кружится. Хотя, если честно, сейчас мир кружится чуть быстрее, чем мне хотелось бы... Но ничего, я держусь. За тебя.

— Тогда молчи. Или говори. Мне... всё равно. Главное, не отпускай мою руку. А то вдруг тебя унесёт центробежной силой этой вечеринки.

Не выдержав накала страстей этого вечера, Мина смогла вырваться из крепких рук Минхёна и устремила через всю поляну к выходу, где уже стояла Джиу.

— И что, ты так легко сдашься? — усмехнулась практически со звериным оскалом Джиу.

— Это тебя не касается, — огрызнулась Мина, направляясь к выходу из дома.

— Если ты не заставишь свою подругу отступить, я сама раздавлю её, — Джиу преградила путь Мине, скрестив руки на груди.

— Не смей её трогать. То, что происходит между ними, это не наше с тобой дело. Если этому суждено случиться, то пусть так оно и будет, я поддержу её, — глаза девушки начали наливаться яростью.

— Я сделаю всё, чтобы этого никогда не произошло, — повысив голос, уведомила Джиу.

— Если ты тронешь Арин хотя бы пальцем, я тебе обещаю, я превращу твою жизнь в этом университете в настоящий ад.

Они не заметили, как к ним подошли Хаджун и Арин. Парень немного её придерживал. Светлые волосы девушки рассыпались по плечам, серые глаза блестели то ли от хмеля, то ли от азарта.

Хаджун остановился в двух шагах от спорщиц, его тёмная стильная рубашка чуть распахнулась на груди, висячая серёжка качнулась в такт движению. Он мягко, но твёрдо произнёс:

— Что происходит?

Обе девушки вздрогнули, будто их выдернули из собственного спора. Мина прищурилась, переводя взгляд с Хаджуна на Арин:

— А вы что тут делаете?

Хаджун чуть крепче придержал Арин, словно боялся, что она сейчас покачнётся.

— Арин увидела, как ты уходишь, и поспешила за тобой. А я не мог оставить её одну в таком состоянии.

Арин тут же попыталась выпрямиться, её щёки вспыхнули розовым румянцем — то ли от алкоголя, то ли от смущения.

— Со мной уже всё хорошо, — пробормотала она, слегка отстраняясь. — Правда. Меня отпустило. Не обязательно меня держать.

В этот момент изза угла выскочил Минхён, его выющиеся волосы растрепались, а на лице играла привычная озорная улыбка, которая, впрочем, сейчас была натянутой. Он ткнул пальцем в сторону Хаджуна:

— Слышишь, она сказала, что ты можешь её больше не держать.

Джиу закатила глаза:

— Тыто тут что забыл?

Минхён пожал плечами, стараясь выглядеть непринуждённо, но в голосе проскользнула нотка беспокойства:

— Да я увидел, что Хаджун кудато ведёт Арин, и пошёл за ними. Мало ли...

Хаджун резко выпрямился, его тёмнокарие с узким разрезом глаза потемнели:

— Ты что, думал, что с ней может чтото случиться?

— Эй, полегче, — вмешалась Арин, поднимая руку, словно останавливая надвигающуюся бурю. — Никто ничего не думал, всё нормально.

Джиу хлопнула в ладоши, прерывая нарастающий спор, её зелёные глаза загорелись идеей:

— Отлично. Раз Арин в порядке и в Хаджуне она больше не нуждается, я с друзьями хотела поиграть в доме в «Правда или выпивка». Пойдём с нами? Ты же новенький, мы хотим узнать тебя получше.

Минхён тут же шагнул вперёд, загораживая Арин своим плечом, хотя в этом не было нужды:

— Иди, я сам позабочусь об Арин.

Но Хаджун не двинулся с места. Вместо этого он медленно обвёл взглядом всю компанию и неожиданно произнёс:

— Нет. Я не пойду один. Давайте все вместе. Хочу узнать вас тоже.

Мина фыркнула, скрестив руки:

— Ну уж нет. Я в эти игры не играю. Там либо придётся врать, либо пить ещё больше.

Арин мягко коснулась её руки, её серые глаза стали серьёзными:

— Пожалуйста, Мина. Я правда сейчас чувствую, что мне нужно немножечко посидеть и отдохнуть.

Мина заколебалась, её решительное лицо на мгновение смягчилось. Она посмотрела на Арин, потом на Хаджуна, потом снова на Арин и наконец вздохнула:

— Ладно. Но только потому, что ты просишь. И только если ты обещаешь больше не пить этот пунш.

Минхён всё ещё выглядел недовольным, его карие глаза метались между Арин и Хаджуном:

— Я не хочу оставлять её там одну.

Арин улыбнулась ему — той самой спокойной, тёплой улыбкой, которая всегда заставляла его сердце биться чуть быстрее:

— Минхён, я буду рядом с тобой. И с Миной. И... и с Хаджуном. Всё будет хорошо.

Хаджун едва заметно кивнул, будто подтверждая её слова, и первым направился к двери:

— Тогда идём. Кто последний — тот пьёт два стакана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.